

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.36.249732

УДК 811.161.1'367.622.19'366.58'372-116.3

ФАТЕХ Галина Евгеньевна,

магистрант кафедры общего и славянского языкознания филологического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина;
тел.: +38 0635785563; e-mail: kukusa1@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-4759-9586

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕННОГО ПОРЯДКА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Аннотация. *Цель* статьи — представить закономерности функционирования категории временного порядка в функционально-семантическом поле темпоральности. *Объектом* исследования являются языковые средства, фиксирующие движение времени в реальном коммуникативном процессе. *Предмет* исследования — соотношение грамматических и лексических показателей категории временного порядка, выделяемой в новейших исследованиях в области функционального языкознания. *Материалом* изучения является текст рассказа А. П. Чехова «Невеста» (1903). В процессе работы используется описательный метод, *методы* семантического, грамматического (морфологического и синтаксического) и функционального анализа. В *результате* проведённой работы была рассмотрена специфика категории временного порядка, которая хорошо выявляется при рассмотрении в рамках функционально-семантического поля темпоральности. *Выводы.* Временной порядок — это функционально-семантическая текстовая категория, реализация которой происходит в структурировании средств выражения темпоральности. Она обеспечивает динамику действия, процесса, состояния, будучи своеобразным «двигателем» текста во временном плане под действием дихотомии *данное // новое*. Спецификаторы категории временного порядка, наряду с временными отношениями и выражением дихотомии *точное // приближительное*, дополнительно передают причинно-следственные отношения, которые актуализируют семантический признак «возникновение новой ситуации», и некоторые другие отношения. Категория временного порядка активно участвует в развитии сюжетной линии повествования.

Ключевые слова: категория временного порядка, темпоральность, функционально-семантическое поле, дейксис, данная ситуация, возникновение новой ситуации, обстоятельство, А. П. Чехов.

Постановка проблемы. Ещё не так давно, в последние 20 лет XX века, вопрос о категории временного порядка в русском языкознании стоял очень остро. Одной из наиболее актуальных проблем была разработка категорий функциональной грамматики под руководством А. В. Бондарко. Среди этих категорий была и категория темпоральности [2]. Однако разработка основных принципов функциональной грамматики и выявление системы языковых средств многих категорий, в том числе категории темпоральности, поставила перед лингвистикой новые вопросы: Каковы принципы отбора этих средств в тех или иных ситуациях? Насколько объективен либо субъективен подбор таких средств? В каких случаях уместна либо неуместна вариативность этих средств? Каковы стилистические, жанровые, социальные, региональные, лингвокультурные, художественно-авторские предпочтения в выборе тех или иных средств выражения категории временного порядка? Как доходчиво, методически грамотно объяснить правила функционирования этих средств в языке и научить правильно ими пользоваться носителей русского языка как родного и как неродного? Имеются ли эволюционные тенденции у этой функционально-семантической категории? Если да, то каковы они сегодня, какими были 100, 200, 500 лет тому назад?

Разумеется, мы не сможем в статье ответить на все эти вопросы, поскольку они открыты для исследования. Сделаем попытку и мы включиться в изучение некоторых из названных проблем.

Связь с предыдущими и смежными исследованиями. Основные достижения естественных наук в изучении проблемы времени связаны с именами физиков: И. Ньютона и А. Эйнштейна. Именно в физике были описаны основные топологические свойства временного порядка: однонаправленность, необратимость, непрерывность и др. Однако **время** обладает важнейшим для социума лингвокультурологическим содержанием. По мнению А. Я. Гуревича, «в нём воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам» [6, с. 103]. «...Представление о времени, ... ощущение его длительности», а также «особый способ переживания, осмысления и осознания времени» меняются в разные исторические эпохи и присущи разным культурам [5, с. 88]. Н. Д. Арутюнова связывала все временные уровни с языковой картиной мира человека. Она утверждала, что при всём том, что картина мира, отражённая в сознании человека, вариативна, изменчива и непостоянна, так как чувство времени у современного человека порождается восприятием изменений в мире, а основным источником этого чувства является космическое время — смена времени суток, сезонов года, исследователи языкового времени обычно отталкиваются от традиционных базисных моделей циклического и линейного времени. И только присутствие в мире человека наполняет формальное время событиями [1, с. 687–688].

В нашем исследовании мы поддерживаем традиционную точку зрения на функционально-семантическое поле и считаем, что ФСП — «это базирующаяся на определённой семантической категории

группировка грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических) средств данного языка, взаимодействующих на основе их семантических функций» [12, с. 11] и признаём, что ФСП даёт системное основание для анализа функций единиц разных уровней этой языковой системы. Каждое ФСП обладает универсальным набором признаков: целостностью, многоаспектностью компонентов, функциональной полнотой и формальной неограниченностью.

В научной литературе до сих пор нет исследований, результатом которых была бы типология временного порядка в тексте. Для выявления типов текста по признаку временного порядка необходим опыт исследования по этому признаку разных текстов. Попытаемся сделать это на примере одного из художественных текстов — рассказа А. П. Чехова «Невеста».

Формулирование задач. Цель статьи — представить закономерности функционирования категории временного порядка в функционально-семантическом поле темпоральности. Объектом исследования являются языковые средства, фиксирующие движение времени в реальном коммуникативном процессе. Предмет исследования — соотношение грамматических и лексических показателей категории временного порядка, выделяемой в новейших исследованиях в области функционального языкознания. Материалом изучения является текст рассказа А. П. Чехова «Невеста» (1903). В процессе исследования использовался описательный метод, методы семантического, грамматического (морфологического и синтаксического) и функционального анализа.

Изложение основного материала. В русском языке ядро функционально-семантического поля темпоральности представлено системой временных форм изъявительного наклонения действительного залога (*переделал / переделаю; переделывал / переделываю / буду переделывать*).

Ближняя периферия «прилегает» к ядру поля и состоит из таких компонентов:

- аналитические формы страдательных причастий (*был / будет переделан*); формы полных причастий прошедшего (*переделывавший, переделавший, переделанный*) и настоящего времени (*переделывающий, переделываемый*);
- образования типа *говаривал, едал, нашивал* со значением «давнего обыкновения»;
- безглагольные синтаксические конструкции: *Брат — моряк; Вечер тих; Утро неприветливое; Сестра — на работе; Говорить рискованно; Много дел; Некому поручить; Тепло; Рассвет; Кто это?!*

Дальнюю периферию ФСП темпоральности представляют:

- деепричастия в составе деепричастных конструкций (*Дремая, он отдыхал. Дремая, он отдыхает. Дремая, он отдохнёт*);
- синтаксические конструкции с модальным значением, имплицитно указывающим темпоральную отнесённость ситуации либо одного из её элементов к будущему (*Уйдите! Построиться! Отдохнуть бы. Вам в наряд идти. Помочь тебе? Ко мне могут прийти. В этом году хотим поехать в Крым*);
- лексические обстоятельственные показатели типа *сегодня, завтра, через две недели, вчера, год тому назад, давно* и т. п.;
- конструкции с временными союзами (*когда, пока, в то время как, как только, только лишь, едва* и т. п.);
- различные контекстуальные средства передачи темпоральных отношений, не имеющие определённой и однородной структурной характеристики (*тогдашний; в более поздних произведениях вспоминается; в своих мечтах...* и т. п.) [4, с. 48–49].

А. В. Бондарко трактует временной порядок как «выступающее в высказывании и целостном тексте языковое представление «времени в событиях», то есть представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов» [3, с. 30]. Таким образом, временной порядок можно рассматривать как функционально-семантическую категорию текста, реализация которой происходит в структурировании средств выражения темпоральности. В научной литературе до сих пор нет исследований, результатом которых была бы типология временного порядка в тексте. Для выявления типов текста по признаку временного порядка необходим опыт исследования по этому признаку разных текстов. Попытаемся сделать это на примере одного из художественных текстов — рассказа А. П. Чехова «Невеста».

Семантика временного порядка строится на представлении говорящего и слушающего (автора и читателей) о направленности движения времени от прошлого к будущему. В рассказе «Невеста» наблюдается динамичность структуры временного порядка (далее — ВП), которая строится на основе оппозиции аспектуальных семантических признаков «возникновение новой ситуации» (ВНС) // «данная ситуация» (ДС).

Рассказ «Невеста» обладает гармоническим объёмно-прагматическим членением. Он состоит из шести глав, обозначенных римскими цифрами. В первой главе, которую мы озаглавим «Ничего не меняется», первый же абзац строится на основе оппозиции ВНС // ДС. Смена ситуации в структуре ВП подчёркивается разными средствами. Например: *Было уже часов десять вечера, и над садом светила луна* (Чехов). Первое же предложение имеет единицу временного дейксиса — обстоятельство времени со значением приблизительности (*часов десять вечера*), а также контекстуальное средство передачи темпоральности (*светила луна*). Временной дейксис «готовит почву» для раз-

вёртывания категории временного порядка в динамике: *В доме Шумилиных только что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно было, как в зале накрывали на стол для закуски, как в своём пышном шёлковом платье суетилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чём-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно слушал* (Чехов). Единицы категории временного порядка: *только что* — усилительная частица со значением «совсем недавно, буквально сейчас» [10, т. 4, с. 378] и наречие *теперь* (2 словоупотребления) («в настоящее время, в данный момент; сейчас» [МАС, т. 4, с. 354] в разных частях сложносочинённого предложения со значением следования событий создают динамику категории ВП, причём между событиями очень малый промежуток времени, они мгновенно сменяют друг друга и обусловлены изменением пространственного расположения главной Героини рассказа — молодой девушки Нади.

Категория ВП может быть построена на оппозиции «отсутствие обстоятельства временного дейксиса в данной ситуации // наличие дейксиса в возникновении новой ситуации». Напр.: *Ей, Наде, было уже 23 года; с 16 лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь наконец она была невестой* (Чехов). В данном сложном предложении три предикативные части. Вторая часть, сообщающая о данной ситуации, обрамлена первой и третьей, которые сообщают, во-первых, о временном промежутке между ситуациями, а во-вторых, указывают на наступление новой ситуации при помощи наречия *уже*: «1. Указывает на окончательное совершение, наступление какого-то действия, состояния» [10, т. 4, с. 473] и наречия *теперь*.

Полон временной динамики абзац, кратко знакомящий читателя с жизнью ещё одного главного героя — Александра Тимофеича (Саши):...*Когда у него умерла мать, бабушка, ради спасения души, отправит его в Москву в Комиссаровское училище; года через два перешёл он в училище живописи, пробыл здесь чуть ли не пятнадцать лет, и кончил по архитектурному отделению...* (Чехов). Как видим, употребление союзной временной конструкции *когда у него умерла мать*, обстоятельства временного порядка *года через два*, обстоятельства временного дейксиса *чуть ли не пятнадцать лет* свидетельствуют об основной разновидности рассматриваемой категории в речи — это художественное повествование о событиях прошлого в их естественной последовательности.

В рассказе «Невеста» отражено и явление, которое противоречит сущности категории временного порядка. Если ВП предполагает описание «времени в событиях», то в тексте встречаемся со статичностью ситуаций. При этом непрерывность, необратимость временного потока не вызывает изменения ситуации, которая связана с бытом, жизненным укладом, мироощущением Шумилиных и отца Андрея. Констатируют статичность данной ситуации Саша и Надя. Саша: *Сегодня утром рано зашёл я к вам на кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены* (Чехов). О начале изменений при кажущемся отсутствии перемен А. П. Чехов пишет в конструкции несобственно-прямой речи Нади:...*Свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи она спала плохо, веселье пропало... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, стучали ногами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!* (Чехов).

Начало осознания Надей необходимости перемен А. П. Чехов подчёркивает не один раз: *Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом и знала, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило её, теперь же почему-то ей стало досадно* (Чехов). В условиях минимального контекста сталкиваются члены оппозиции — обстоятельства времени *прежде* // *теперь*, а последующее обстоятельство причины *почему-то* сигнализирует лишь о предпосылках для возникновения новой ситуации.

Так как А. П. Чехов неоднократно вводит в текст рассказа оппозицию *прежде* // *(потом) теперь*, первый член оппозиции в ряде случаев опускается, но имплицитно просвечивает через цепь воспоминаний — событий жизни Нади: *А мысли были всё те же, что и в прошлую ночь, неотвязные, мысли о том, как Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение, как она согласилась и потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека.* Второй временной спецификатор так же коррелирует у А. П. Чехова с причинным обстоятельством *почему-то*, готова читателя к возможному ВНС: *Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх, беспокойство, как будто ожидало её что-то неопределённое, тяжёлое* (Чехов). Состояние, которое испытывает Надя, эксплицируется в тексте много раз с действительным обстоятельством причины *отчего*, но каждый раз в разном синтаксическом оформлении:

- как ни к кому не обращённый возглас: - *Боже мой, отчего мне так тяжело!*;
- несобственно-прямая речь: *Но отчего же всё-таки Саша не выходит из головы? Отчего?*;
- вопрос, обращённый к матери: *Отчего я не сплю по ночам?*

Статичны отношения Нади и Андрея Андреича. То, что данная ситуация не удовлетворяет героиню, подчёркивается контекстуальным показателем со значением повторяемости *по обыкновению*, а также тремя случаями употребления обстоятельства *давно*, двумя — усилительной частицы

уже: «2. усилительная частица. При словах, словосочетаниях, обозначающих какой либо отрезок времени, подчёркивает его продолжительность» [10, т. 4, с. 473]: *Перед вечером приходил Андрей Андреич и по обыкновению долго играл на скрипке. Вообще он был неразговорчив и любил скрипку, быть может, потому, что во время игры можно было молчать. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать её лицо, плечи, руки.*

— Дорогая, милая моя, прекрасная!.. — бормотал он. — О, как я счастлив! Я безумствую от восторга!

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где то в романе, в старом, оборванном, давно уже заброшенном (Чехов).

Наблюдается диссонанс между признаниями Андрея Андреича и реакцией на них Нади. Данная ситуация начинает тяготить девушку, воспринимается как не настоящая, и временные спецификаторы актуализируют искусственность отношений героев.

Неоднократно на страницах рассказа встречаемся с такой текстовой категорией, как связность. Повторяются целые синтаксические конструкции: *Прошёл ещё один день в жизни Нади. Ещё один бессонный рассвет. Но как и в прошлую ночь, едва забрезжил свет, она уже проснулась. Спать не хотелось, на душе было беспокойно, тяжело* (Чехов). Быстрота сменяющих друг друга сообщений подчёркнута временными спецификаторами *едва, уже*, контекстуальным показателем повторяемости *как и в прошлую ночь*.

Надя изменяет своё отношение к матери: *И Надя, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замечала простой, обыкновенной, несчастной женщины* (Чехов). Временное обстоятельство *до сих пор*: «1. до этого, до настоящего времени» [10, т. 3, с. 300], обозначая относительное, предшествующее время [7, с. 233], подготавливает актуализацию второго члена оппозиции «особенная // простая // обыкновенная». Так раскрывается новое отношение Нади к матери.

У Нади появляются первые робкие мысли об изменении собственной судьбы — возникновении новой ситуации. Интересно, что для этого А. П. Чехов использует фразеологизированную сложную конструкцию со значением временной последовательности, отвечающей модели *едва..., как:... Едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как всё сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга* (Чехов). Подобные предложения «отличается результативной семантикой. Причём событие, обозначенное в постпозиции, является результатом не столько действия препозитивной части, сколько его невербализованного следствия» [9, с. 54]. Значение достаточного основания усиливается за счёт употребления в препозитивной части частицы *только вот*. Это сложное предложение экспрессивного синтаксиса как нельзя лучше передаёт волнение героини, значение невербализованного следствия, что сразу подтверждается последующими словами Нади: *Но лучше не думать, лучше не думать, шептала она. — Не надо думать об этом* (Чехов). Характерно, что в конце IV главы, когда после разговора с Сашей Надя принимает решение об отъезде и начале новой жизни, происходит, наконец, изменение ДС (прежней жизни) и наблюдается актуализация категории ВП. Возникает новая ситуация, подчёркивающая динамику структуры ВП. А. П. Чехов этот сложный кульминационный момент представляет в новом фразеологизированном сложном предложении с таким же спецификатором: *едва..., как*.

Современная грамматика не относит структуры, построенные по модели *едва..., как* к предложениям фразеологизированного типа и рассматривает их в сфере конструкций со значением временной последовательности [8, т. 2, с. 556–557]. Однако в результате предпринятого анализа таких конструкций Л. М. Салмина отмечает их идиоматичность, и в этом структурно-семантическом типе выделяет две группы: конструкции со значением возникновения новой ситуации и со значением быстрой смены событий («Ситуация постпозитивной части, осуществляющаяся сразу же после ситуации препозитивной части, почти накладывается на неё» [9, с. 53]): *Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у неё тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придётся страдать и мучительно думать; но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканными глазами, с улыбкой до самого вечера* (Чехов).

Фразеологизация, по мнению Л. М. Салминой, заключается в том, что конструкция указывая на мгновенность смены одного действия другим, индифферентна к обозначению временного интервала между ними, совершение двух действий не разграничено, и в этом смысле структура противоречит семантике. «Наиболее частотны в составе модели глаголы направленного движения, изменения физического или эмоционального состояния, изменения положения в пространстве, восприятия, реагирования, речемыслительной деятельности» [9, с. 54]. Действительно, в чеховском предложении используются такие глаголы: глагол направленного движения *пришла (к себе наверх)*, глагол со значением изменения положения в пространстве *прилегла*, глагол изменения физического состояния *уснула*.

Спецификатору ВП *едва..., как* свойственна следственная семантика: «Событие постпозитивной части является следствием начала либо завершения первого события» [9, с. 54]. Следует вспомнить, что, когда мы отмечали статичность ситуации, героиня рассказа переживала тяжёлый период

неопределённости: *Спать не хотелось, на душе было беспокойно, тяжело* (Чехов). Здесь происходит расширение объёма ситуации препозиции, она как будто вбирает в себя всё прежнее: такое ненужное, мелкое в жизни Нади. «Ситуация препозиции, таким образом, становится достаточным основанием или стимулом для осуществления второй ситуации» [9, с. 54]. Дополнительная семантика следствия подчёркивает динамику ВП, актуализацию аспектуального семантического признака «возникновение новой ситуации».

Выводы. Таким образом, анализ функционально-семантического поля темпоральности в рассказе А. П. Чехова «Невеста» свидетельствует о том, что временной порядок следует рассматривать как функционально-семантическую категорию текста, реализация которой происходит в структурировании средств выражения темпоральности. Проявляясь в функционально-семантическом поле темпоральности, категория временного порядка обеспечивает динамику описываемого действия, процесса, состояния, будучи своеобразным «двигателем» текста во временном плане. Категория временного порядка, фиксирующая время в событиях, реализуется в тексте под действием дихотомии *данное // новое*, которая проявляется в оппозиции «данная ситуация» // «возникновение новой ситуации». Смена ситуации в структуре временного порядка подчёркивается разными средствами. Семантика временного порядка в рассказе «Невеста» строится на представлении автора и читателей о направленности движения времени от прошлого к будущему. Гармоническое объёмно-прагматическое членение рассказа «Невеста» даёт возможность увидеть не только прямую временную семантику спецификаторов категории временного порядка, но и дополнительную семантику, которую передают эти языковые средства. Принято считать, что языковые средства указывают на перманентную корреляцию временных и пространственных отношений. Проанализированный материал указывает на то, что в чеховском художественном тексте языковые средства, реализующие категорию временного порядка, наряду с временными отношениями и выражением дихотомии *точное // приблизительное*, в целом ряде случаев передают дополнительные причинно-следственные отношения, которые обычно подчёркивают динамику временного порядка, актуализируя аспектуальный семантический признак «возникновение новой ситуации». Имеется случай дополнительного значения, связанного с указанием на уровень отношений между людьми (*естественные // искусственно поддерживаемые*). Категория временного порядка активно участвует в развитии сюжетной линии повествования.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бондарко А. В. Теория Функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград : Наука, 1990. 264 с.
3. Бондарко А. В. Аспекты теории функциональной грамматики. *Когнитивное описание языковой действительности и русская концептосфера. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и лит-ры. Пленарные заседания*: сб. докл.: в 2 т. Санкт-Петербург, 2003. Т. 1. С. 25–33.
4. Бурячок А. А. Принципы моделирования семантических полей лексики (на материале східнослов'янських назв політичних відносин). *Мовознавство*. Київ, 1985. № 4. с. 41–53.
5. Гайденко П. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении. *Вопросы философии*. Москва, 1969. № 9. С. 88–98.
6. Гуревич А. Л. Категории средневековой культуры. Москва : Искусство, 1984. 350 с.
7. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей русистов / Под ред. Н. А. Метс. Москва : Русский язык, 1985. 408 с.
8. Русская грамматика : в 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Наука, 1980.
9. Салмина Л. М. Сложные фразеологизированные конструкции, выражающие временные отношения. *Синтаксис сложного предложения (Устойчивые структуры русского языка)* : Учеб. пособие. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1985. С. 35–61.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Москва : Русский язык, 1981–1985.
11. Степанов Е. Н. Город в контексте научной лингвистической парадигмы. *Мова* : научно-теоретический часопис з мовознавства. Одеса : Астропринт, 2012. № 17. С. 14–23.
12. Теория функциональной грамматики : Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Ленинград : Наука, 1987. 348 с.
13. Ханджани Л. Функционально-семантическое поле темпоральности в русском и персидском языках. *Современная филология : материалы IV Междунар. науч. конф.* (г. Уфа, март 2015 г.). Уфа : Лето, 2015. С. 86–88. URL : <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7556/> (дата обращения: 25.10.2021).
14. Чехов А. П. Невеста. *Русская историческая библиотека*. URL : <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3248-chekhov-nevesta-chitat-onlajn/>
15. Zhabo N., Avdonina M., Stepanov Ie., Ulyumdzhieva V., Notina E. Multimedia project “culture and traditions of the countries of the target language”. *Proceedings of the 9th annual International Conference on Education and New Learning Technologies (EDULEARN17)* 3rd, 4th and 5th of July, 2017. Barcelona Spain Publisher IATED, 2017. P. 7984–7989. DOI : 10.21125/edulearn.2017.0460.

References

1. Arutyunova, N. D. (1999), *Language and the human world [Yazyk i mir cheloveka]*, Languages of Russian culture Publishing house, Moscow, 896 p.
2. Bondarko, A. V. (1990), *Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality [Teoriya Funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost']*, Nauka Publishing house, Leningrad, 264 p.
3. Bondarko, A. V. (2003), "Aspects of the theory of functional grammar", *Cognitive description of linguistic reality and Russian concept sphere : Materials of the X Congress of the International Association of the Russian Language and Literature Teachers. Plenary sessions : proceedings* : in 2 volumes ["Aspekty teorii funktsional'noy grammatiki", *Kognitivnoye opisaniye yazykovoy deystvitel'nosti i russkaya kontseptosfera. Materialy 10 Kongressa Mezhdunarodnoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i lit-ry. Plenarnyye zasedaniya*: sb. dokl.: v 2 t.], St. Petersburg, vol. 1, pp. 25–33.
4. Buryachok, A. A. (1985), "Principles of modeling the semantic fields of vocabulary (on the material of East Slavic names of political relations)", *Linguistics* ["Pryntsypy modelyuvannya semantichnykh poliv leksyky (na materiali skhidnoslov'yans'kykh nazv politychnykh vidnosyn)", *Movoznavstvo*], Potebnya Institute of Linguistics of NAS of Ukraine, Kyiv, 1985, issue 4, pp. 41–53.
5. Gaydenko, P. P. (1969), "The theme of fate and the idea of time in the ancient Greek worldview", *Problems of Philosophy* ["Tema sud'by i predstavleniye o vremeni v drevnegrecheskom mirovozzrenii", *Voprosy filosofii*], RAS, Moscow, No. 9, pp. 88–98.
6. Gurevich, A. L. (1984), *Categories of medieval culture [Kategorii srednevekovoy kul'tury]*, Iskusstvo Publishing house, Moscow, 350 p.
7. Mets, N. A. (ed.) (1985), *Practical Grammar of the Russian Language for Foreign Teachers of Russian Studies [Prakticheskaya grammatika russkogo yazyka dlya zarubezhnykh prepodavateley rusistov]*, Russian language Publishing house, Moscow, 408 p.
8. Shvedova, N. Yu. (ed.) (1980), *Russian grammar* : in 2 volumes [*Russkaya grammatika* : v 2 t.], Nauka Publishing house, Moscow, vol. 2.
9. Salmina, L. M. (1985), "Complex phraseological constructions expressing time relations", *Syntax of a complex sentence (Sustainable structures of the Russian language)* : Textbook ["Slozhnyye frazeologizirovannyye konstruksii, vyr-azhayushchiye vremennyye otnosheniya", *Sintaksis slozhnogo predlozheniya (Ustoychivyye struktury russkogo yazyka)* : Ucheb. posobiye], Kazan University Press, Kazan, pp. 35–61.
10. Evgenieva, A. P. (1981–1985), *Dictionary of the Russian language* : in 4 volumes, 2nd ed. [*Slovar' russkogo yazyka* : v 4 t.], Russian language Publishing house, Moscow.
11. Stepanov, Ye. N. (2012), "City in the context of linguistic research paradigms", *Mova / Language* : scientific and theoretical journal of linguistics ["Gorod v kontekste nauchnoy lingvisticheskoy paradigmy, Mova : naukov-teoretychny chasopys z movoznavstva], Odessa I. I. Mechnikov National University, Astroprint, Odessa, vol. 17, pp. 14–23.
12. Bondarko, A. V. (ed.) (1987), *Theory of functional grammar : Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis [Teoriya funktsional'noy grammatiki : Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis]*, Nauka Publishing house, Leningrad, 348 p.
13. Khanjani, L. (2015), "Functional-semantic field of temporality in Russian and Persian languages", *Modern philology* : proceedings of the 4th Intern. scientific conf. (Ufa, March 2015) ["Funktsional'no-semanticheskoye pole temporal'nosti v russkom i persidskom yazykakh", *Sovremennaya filologiya* : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (Ufa, mart 2015 g.)], Leto Publishing house, Ufa, pp. 86–88, available at : <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7556/> (date of access: 10/25/2021).
14. Chekhov, A. P. "Bride", *Russian Historical Library* ["Nevesta", *Russkaya istoricheskaya biblioteka*], available at : <http://rushist.com/index.php/rus-literature/3248-chekhov-nevesta-chitat-online/> (date of access: 10/15/2021).
15. Zhabo, N., Avdonina, M., Stepanov, Ie., Ulyumdzhiyeva, V., Notina, E. (2017), "Multimedia project «culture and traditions of the countries of the target language», *Proceedings of the 9th annual International Conference on Education and New Learning Technologies (EDULEARN17)* 3rd, 4th and 5th of July, 2017, Publisher IATED, Barcelona, Spain, pp. 7984–7989. DOI: 10.21125/edulearn.2017.0460.

ФАТЕХ Галина Євгенівна,

магістрант кафедри загального та слов'янського мовознавства Одеського національного університету імені І. І. Мечнікова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 0635785563; e-mail: kukusa1@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-4759-9586

КАТЕГОРІЯ ЧАСОВОГО ПОРЯДКУ У ФУНКЦІЙНО-СЕМАНТИЧНОМУ ПОЛІ ТЕМПОРАЛЬНОСТІ

Анотація. *Мета* статті — представити закономірності функціонування категорії часового порядку у функційно-семантичному полі темпоральності. *Об'єктом* дослідження є мовні засоби, що фіксують рух часу в реальному комунікативному процесі. *Предмет* дослідження — співвідношення граматичних і лексичних показників категорії часового порядку, що виокремлена в нових дослідженнях у галузі функційного мовознавства. *Матеріалом* вивчення є текст оповідання А. П. Чехова "Наречена" (1903). У процесі роботи використано описовий *метод*, методи семантичного, граматичного (морфологічного та синтаксичного) і функційного аналізу. У *результаті* проведеної роботи було розглянуто специфіку категорії часового порядку, яку виявлено при розгляді в рамках функційно-семантичного поля темпоральності. *Висновки.* Часовий порядок — це функційно-семантична текстова категорія, реалізація якої відбувається у структурованні засобів вираження темпоральності. Вона забезпечує динаміку дії, процесу, стану, будучи своєрідним «двигуном» тексту в часі під дією дихотомії *наявне // нове*. Специфікатори категорії часового порядку, разом із часовою семантикою та вираженням дихотомії *точно // приблизно*, додатково передають причинно-наслідкові відносини, які актуалізують семантичну ознаку «виникнення нової ситуації», та деякі інші відносини. Категорія часового порядку бере активну участь у розвитку сюжетної лінії оповідання.

Ключові слова: категорія часового порядку, темпоральність, функційно-семантичне поле, дейксис, наявна ситуація, виникнення нової ситуації, обставина, А. П. Чехов.

Halyna Ie. FATEKH,

Master's student of the Department of General and Slavic Linguistics, the Philological Faculty of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26, Frantsuzskiy blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 063 5785563; e-mail: kukusa1@i.ua; ORCID ID: 0000-0003-4759-9586

THE TEMPORAL ORDER CATEGORY IN THE FUNCTIONAL-SEMANTIC TEMPORALITY FIELD

Summary. The *purpose* of the article is to present the patterns of functioning of the temporal order category in the functional-semantic temporality field. The *object* of the study is language means that fix the movement of time in a real communicative process. The *subject* of this research is the ratio of grammatical and lexical indicators of the temporal order category, highlighted in the latest research in the field of functional linguistics. The *material* for the study is the text of A. P. Chekhov's story "The Bride" (1903). In the process of studying, a descriptive *method*, methods of semantic, grammatical (morphological and syntactic) and functional analysis are used. As a *result* of the work carried out, the specificity of the category of temporal order was considered, which is well revealed when considered within the framework of the functional-semantic field of temporality. **Conclusions.** Temporal order is a functional-semantic text category, the implementation of which occurs in the structuring of the means of expressing temporality. It provides the dynamics of the action, process, state, being a kind of "engine" of the text in time terms under the influence of the *given / new* dichotomy. The specifiers of the category of temporal order, along with temporal relations and the expression of the *exact / approximate* dichotomy, additionally convey cause-and-effect relations that actualize the semantic attribute "the emergence of a new situation", and some other relations. The temporal order category actively participates in the development of the storyline of the narrative.

Key words: the temporal order category, temporality, functional-semantic field, deixis, given situation, emergence of a new situation, circumstance, A. P. Chekhov.

Статтю отримано 30.10.2021 р.

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.36.249724

УДК 811.112.2'373.4'42:821.112.2-36

PASINA Svitlana V.,

Student des zweiten Studienjahres der Magisterstudien der Fakultät für romano-germanische Philologie der I. I. Mechnikov Universität von Odesa; Franzuskiy Boulevard, 24/26, 65058, Odesa, Ukraine, Tel.: +38 067 5593199; e-mail: puma.pp85@gmail.com

BESONDERHEITEN DER SCHAFFUNG EINES DEUTSCHEN WITZES IN EINEM SPRACHLICHEN ASPEKT

Zusammenfassung. Das *Ziel* der Arbeit ist: anhand des literarischen Materials die charakteristischen lexikalischen Mittel (sprachlichen Merkmale) deutscher Witze zu untersuchen; Ermittlung und Verfolgung der Grundgesetze und -prinzipien, die für die Erstellung deutscher Witze in den untersuchten Texten gelten; auf der Grundlage eines gemeinsamen Konzepts die typischen Züge der sprachlichen Merkmale eines deutschen Witzes im globalen Sinne hervorheben. Der *Gegenstand* der Forschung in dieser Arbeit ist ein Witz als Element der deutschen Kultur, Folklore, Sprache, Literatur. Dieser Beitrag beschreibt den theoretischen Hintergrund der Studie, die Grundkonzepte der Erscheinung „ein Witz“. Es enthält einige Konzepte, die zur Untersuchung der sprachlichen Merkmale eines deutschen Witzes erforderlich sind, und anderer Grundkonzepte der Erscheinung „ein Witz“. Das Beitrag befasst sich mit der Analyse der lexikalischen Werkzeuge, mit denen der deutsche Witz erstellt wurde, sowie ihrer quantitativen Indikatoren, nämlich, wurde die Zusammensetzung der handelnden Personen deutscher Witze und die Häufigkeit der darin verwendeten lexikalischen Einheiten untersucht. Basierend auf unseren statistischen Beobachtungen können wir die folgenden *Schlussfolgerungen* ziehen: die meisten deutschen Witze basieren auf dem Prinzip kontrastierender handelnden Personen; die am häufigsten verwendeten Wörter in deutschen Witzen bedeuten visuelles Handeln, spiegeln die Dynamik (Bewegung) und Aktivität von Emotionen wider; Deutsche Witze sind hauptsächlich ein Dialog.

Schlüsselwörter: Deutscher Witz, lexikalische Einheit, lexikalische Mittel, Kontrast, handelnden Personen, Dialog.

Der Witz hat in der Gesellschaft immer mehr Aufmerksamkeit erregt: sowohl in der inoffiziellen Kommunikation als auch in den wissenschaftlichen Studien von Linguisten und Literaturgelehrten.

In der Tat kann jeden von uns eine Kurzgeschichte über einen interessanten Fall aufmuntern, zum Lachen bringen und angesichts der Schwierigkeiten des Lebens die Stimmung heben. Für den Philologen erscheint der Witz in einem viel breiteren Sinne als für den durchschnittlichen Beobachter: das ist nicht nur eine lustige Geschichte, sondern auch ein literarisches Genre und ein Text mit seinen besonderen Merkmalen, und ein Sprechakt, sowie Beispiele für die Verwendung von lexikalischen Einheiten und Stilmitteln, sowie psychologischen menschlicher Zustand.